

Ужель Всевышний так судил
И тайну страстного сгоранья
К небесным тайнам приобщил?! («Две розы», 124)

Это творчество живописца – в его способности соединить на полотне земное и небесное, тварное и вечное: «Пускай велик небесный Рафаэль...» («Фра Беато Анджелико», 175).

Это боговдохновенное творчество иконописца, когда священные для христианина образы – как «лик жены» – в «искусстве иноков» зримо являют свою предвечную сущность: «Открытый лоб – как свод небесный, / И кудри – облака над ним...» («Андрей Рублев», 209).

Антиномизм поэтического мышления Гумилева, нашедший выражение в рамках концепта Неба и Небес, может быть обобщенно-теоретически осмыслен на основе трактовки поэтики акмеизма как «интегральной», складывающейся из четырех симультанно существующих элементов: «тезис – антитезис – синтез – акмэ»¹.

Земное *небо* как «тезис» и *небо* вышнее как его «антитезис», *небеса* как «синтез» тварного и вечного, наконец, прил. *небесный* с его доминантным ассоциативно-поэтическим смыслом ‘творческий’ образуют «кватернарную структуру»², в рамках которой преодолевается антиномия обыденного и сакрального.

Н. А. Тиботкина

ДИАЛОГ С КЛАССИКАМИ, ИЛИ «ПРОДОЛЖЕНИЕ ОДНОГО СТАРОГО РАЗГОВОРА»

Одной из самых распространенных и сложных тем, поднимаемых русскими писателями, является тема искусства и творчества. Тесно сопряжена с ней тема

¹ Шелковников А. Ю. Интегральная поэтика Н. С. Гумилева. Семиотика акмеизма: Монография. Барнаул, 2002. С. 27.

² Там же. С. 33.

поэта и поэзии, затрагивающая проблему места поэта в обществе и роли его творчества в жизни страны и народа.

В литературе XIX века это была центральная тема, которой касались все великие русские поэты: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов и другие. Литература Серебряного века также не обошла вниманием проблемы искусства и творчества, и в число писателей начала XX века, обратившихся к данной теме, входит Саша Черный.

Многие современники, критики и исследователи отмечали такую особенность художественного мира Саши Черного, как «использование чужого слова»¹ и опора на классику для подтверждения или опровержения того или иного мнения, утверждения, точки зрения. Действительно, поэт в своем творчестве ориентировался на образцы классики, которая стала для него «неизменным идеалом и непререкаемым авторитетом», «в ней он черпал вдохновение, в ней искал образцы высокого искусства»².

Сашу Черного чрезвычайно волновала судьба русской интеллигенции, которую он пытался предсказать в своих произведениях. Очень критично он рассматривал роль поэта в обществе и четко обрисовывал саму фигуру художника-творца во всем многообразии и широте его внутреннего мира, со всеми его достоинствами и недостатками. Интересно, что, обращаясь к данной теме, С. Черный решил продолжить давний разговор классиков об искусстве и поэзии. Учитывая и опираясь на мнения известных писателей, вступая в полемику с гениями русской литературы, сатирик начала XX века дает свою трактовку данной темы и представляет собственное решение «старой проблемы». Обратимся к стихам А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова и попробуем соотнести их с позицией Саши Черного. Интересно, что отобранные нами стихотворения классиков построены в форме диалога.

В стихотворении А. С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» представлены две позиции по отношению к искусству: искусство ради искусства,

---

¹ Брызгалова Е. Н. Русская сатира и юмористика начала XX века: Учебное пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 142.

² Там же. С. 161.

искусство ради денег. Первую точку зрения озвучивает поэт: «Я время то вспоминал, / Когда, надеждами богатый, / Поэт беспечный, я писал / Из вдохновенья, не из платы»¹.

Такое отношение к творчеству было свойственно ему, когда он был молод, наивен, «беспечен» и прост. Поэт не стремился к славе, и его не мучила жажда обогащения, он довольствовался «музы сладостными дарами». Его восхищали «цветущий луг», «луны блистанье», «бури шум», «старушки чудное преданье» – все волновало и трогало чуткое сердце поэта. Но впоследствии он переживает разочарование в любви, его избранница отвергает «тоску души» и благородные порывы. Кроме того, он не находит отклика своим чувствам в среде читающей публики, которая воспринимает его слова и «восторгов излиянья» как «дикое лепетание безумца». «Любовью утомленный» и «всем чужой», поэт отказывается от своей лиры, от своего символа поэтического творчества и выбирает свободу.

Что есть свобода для поэта? Он сам отвечает на этот вопрос: свобода – это творчество, лишённое безумных мечтаний, порывов души, воображения и, главное, вдохновения. Это творчество, которое не унижается поклонением «идеалам» юности, любви и красоты и выбирает «свободу денег». Не случайно разговор поэта происходит именно с книгопродавцом, который становится олицетворением «железного века – торгаша», когда все продается и покупается, когда люди предают жизненные законы добра и любви, когда утрачиваются и забываются естественные чувственные проявления и душа черствеет, каменеет, а единственно важной и приоритетной становится господствующая истина «злата». «Нам нужно злата, злата, злата: / Копите злато до конца!»² – обращается книгопродавец к поэту, и тот следует его совету.

Последняя строчка произведения и ритмически, и графически отличается от всего стихотворения: «Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся»³. Это заключительная реплика поэта, которая свидетельствует нам о том, что он поступил на служение к «свободе денег», предав «свободу искусства».

---

¹ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 1 т. М.: «Художественная литература», 1984. С. 59.

² Пушкин А. С. Указ. соч. С. 60.

³ Там же. С. 60.

А. С. Пушкин однозначно лишает своего героя возрождения к истине жизни и творчества и погружает его в атмосферу лжи, продажности и стремления к наживе.

В стихотворении М. Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» мы смотрим на проблемы искусства и творчества глазами журналиста, читателя и писателя. С позиций данных героев автор глубже раскрывает противоречия, намеченные А. С. Пушкиным в его произведении. Главной становится проблема непонимания писателя и читателя в едином процессе творчества-сотворчества.

Читатель сетует на то, что литература обеднела и исчерпала себя: «Стихи – такая пустота: / Слова без смысла, чувства, / Натянут каждый оборот; / Притом – сказать ли по секрету? / И в рифмах часто недочет. / Возьмешь ли прозу? Перевод»¹.

Читающую публику не удовлетворяет современное искусство, утратившее свой смысл и глубину и посвятившее себя лишь двум темам: «над Москвой смеются или чиновников бранят». Читатель негодует и упрекает писателей в измелечании и отсутствии чувственности и благородства. Лишь изредка ему попадается «живое, свежее творенье», наполненное мыслями и чувством. Даже защитное слово журналиста не смягчает разгневанного читателя, который и журналиста, в свою очередь, обвиняет в бессмысленности критических статей и пустословии.

На такую тираду писатель резко парирует: «О чем писать? Восток и юг / Давно описаны, воспеты; / Толпу ругали все поэты, / Хвалили все семейный круг... / И страшно надоели все»².

С точки зрения писателя, все общеизвестные темы «избиты» и исчерпаны, банально просты и неинтересны. Писатель, постоянно ориентировавшийся на «неблагодарную толпу», больше не хочет и не может удовлетворять ее недалеким запросам. А серьезные размышления, глубокие рассуждения о «сокрытых делах» и «тайных думах» он никогда бы не решился показать «неприготовленному

---

¹ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 2 т. М.: «Правда», 1988. Т. 1. С. 189.

² Лермонтов М. Ю. Указ. соч. С. 188 – 189.

взору». Выступая судьей «чужой тайны», раскрывая «приличьем скрашенный порок», писатель был бы не понят читающей публикой и осужден общественным мнением, которое вполне устраивают абстрактные, отвлеченные темы искусства, не касающиеся сути бытия и смысла жизни порочных, коварных людей.

В данном стихотворении каждый герой, являясь олицетворением массы, высказывает свою позицию, озвучивает свою «правду», опираясь на собственные убеждения. И все-таки истина остается скрытой, автор не расставляет четких акцентов на том, чья позиция ему ближе, чье суждение более верно. Несмотря на то, что писатель изображается фигурой трагической, одинокой в своих воззрениях, не понятой и не поддержанной толпой, он не отстаивает своих взглядов и не следует им до конца, отдавая предпочтение безмолвию перед «пророческой речью». Он отказывается от своей правды, боясь навлечь злость и ненависть общества.

Журналист у Лермонтова оказывается фигурой и вовсе никчемной, лживой и продажной. Оправдываясь перед читателем и сетуя на «тяжкие вериги» судьбы, журналист приходит к выводу, что все книги – «вздор», и стоящее произведение найти очень сложно, принимая тем самым позицию читателя и соглашаясь с ним.

Полемику о роли поэта в обществе и проблеме непонимания поэта и толпы продолжает Н. А. Некрасов своим стихотворением «Поэт и гражданин». Опираясь на предшественников, автор открывает читателю несколько иной угол зрения на проблему.

В споре участвуют два собеседника: поэт и гражданин, которые опять же являются абстрактным олицетворением стоящих за ними масс. Гражданин, в первую очередь, указывает поэту на его гражданский долг перед Родиной: «Поэтом можешь ты не быть, / Но гражданином быть обязан»¹.

Он упрекает поэта в бездеятельности и отсутствии благородства, призывая его в «годину горя» быть «полезным» и идти «в огонь за честь отчизны, за убежденье, за любовь». В словах поэта мы слышим отголосок классической

---

¹ Некрасов Н. А. Избранные произведения. М.: «Художественная литература», 1985. С. 38.

традиции. Автор говорит нам об одиночестве и непонятости творческой личности. Поэт вспоминает годы своей юности, когда он «честно ненавидел» и «искренно любил», но был не принят и отвержен обществом и отрекся от своих прежних идеалов: «И что ж?.. мои послышав звуки, / Сочли их черной клеветой; / Пришлось сложить смиренно руки / Иль поплатиться головой...»¹.

И, как ни прискорбно, в очередной раз поэт выбирает путь смирения и бездействия. Путь отказа от своей Музы и собственных убеждений делает поэта «безвредным», но и бесполезным, ненужным обществу человеком, подчиняющимся обстоятельствам и сложившейся ситуации и приносящим свои идеалы в жертву общему мнению. Но, с другой стороны, это неминуемое следствие разрешения проблемы «художник-творец и толпа», «одиночество поэта в обществе».

Саша Черный, продолжая «один старый разговор», синтезирует мысли, высказанные классиками, и дает свой ответ, освещает собственное видение проблемы. Не случайно наличие трех эпиграфов из трех разных произведений перед текстом С. Черного. В его стихотворении «Продолжение одного старого разговора» перед нами появляются герои, которые представляют собой переосмысление уже известных персонажей:

Писатель – поэт (А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов) – писатель (М. Ю. Лермонтов);

Читатель – читатель (М. Ю. Лермонтов) – гражданин (Н. А. Некрасов);

Критик – журналист (М. Ю. Лермонтов) – гражданин (Н. А. Некрасов);

Издатель – книгопродавец (А. С. Пушкин).

Высказывая известные читателю мысли, герои формируют собственное концептуальное решение проблемы поэт и толпа.

Объектом нападок становится писатель – фигура крайне противоречивая.

Критик упрекает писателя в неактуальности поднимаемых им тем и, следовательно, в банальности и невостребованности его произведений в среде читающей публики.

---

¹ Там же. С. 39.

Читатель обвиняет писателя в бессмысленности, подражательности и безвкусице его творчества, в продажности и лицемерии его натуры.

А издатель признается в том, что имя писателя – его рук дело: «Успех – вот штука! Гений – хлам»¹. Рассуждая об искусстве так грубо и цинично, издатель сводит все величие творчества на торгово-денежную основу.

Таким образом, освещая позиции читателя, критика и издателя, автор отсылает нас к эпиграфам, прослеживая сходство мировоззрений книгопродавца и издателя, гражданина и критика, и неизменным остается лишь читатель.

Очевидно сходство, которое выражается в том, что используется драматическая форма с обозначением исполнителя (действующего лица) монолога и ремарок в скобках, относящихся к месту действия и к характеристике персонажей, их поступков, речи. Наблюдается сходство обсуждаемых тем, поднимаемых проблем: проблема искусства и творчества (искусство ради искусства, искусство ради общества, искусство ради денег); проблема «поэт и толпа»; проблема одиночества поэта и непонимания его в обществе; проблема критики (что есть критика); проблема читателя. Встречаются одинаковые персонажи (роли) с близкими мыслями и позициями, предельная обобщенность героев. В центре – фигура писателя, трагическая фигура, раскрывающая причины и истоки своего трагизма.

Но существуют и принципиальные различия между стихотворением Саши Черного и произведениями русской классики. Фигура писателя у Саши Черного изображается с ироническим оттенком. В своей речи он развенчивает три приведенные позиции, подчеркивая сущность обвинителей. Писатель у С. Черного не просто человек, не принятый и осужденный обществом, творящий по заказу издателя и подчиняющийся общей моде, но и человек, имеющий высокое чувство собственного достоинства. Он принимает все обвинения в свой адрес, но и не остается безмолвным, снимая всю ответственность с себя: «Я лишь хотел в

---

¹ Черный Саша. Улыбки и гримасы. Избранное: В 2 т. М.: Локид, 2000. Т. 1. С. 98.

чаду событий / Чуть-чуть наш узел развязать, / Чтоб на мои одни лишь плечи / Не клали сдуру весь багаж...»¹.

Хотя финал, пожалуй, остается традиционным. Писатель идет на вернисаж вслед за издателем, тем самым подтверждая свою зависимость от власти рубля. Вместе с ним «все поднимаются и уходят». Это опять же подчеркивает, что все персонажи – принадлежность лживого, продажного, лицемерного, глупого мира, в котором проблема «литератор и общество» будет стоять вечно.

Ю. Л. Василевская

ОБРАЗЫ ПРОМЕТЕЯ И ГЕРОСТРАТА В РОМАНЕ Л. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА»

Исследователь-леоновед Т. М. Вахитова, рассуждая о месте и роли природных стихий в творческом наследии Леонова, пишет: «В зрелом творчестве, особенно в романистике, природные стихии выделяются в особые сферы, каждая из которых имеет свои границы и владения. Именно они по очереди (или сразу вместе) управляют миром, нарушая ход и развитие цивилизации и культуры, Земли и Космоса. Природные стихии всегда неожиданны и несут как положительные, так и отрицательные моменты»². В «Пирамиде», как она полагает, Леонов «придаёт всем природным стихиям трагический оттенок и переводит их в трансцендентальный и мистический вид»³.

Важное место в «Пирамиде» занимают образы огня и огненной стихии вообще. Т. М. Вахитова пишет, что «огненная, пламенная стихия у Леонова доминирует над всеми стихиями. Как и у Блока, она не имеет границ и бушует на земле, в душе человека в запредельном, иррациональном пространстве. <...> Огонь — это боль и страдание, которыми возвышается человек. Огонь — самая

¹ Черный Саша. Указ. соч. С. 103.

² Вахитова Т. М. Природные стихии в творчестве Леонида Леонова. // Русская литература. 2005. №3. С. 90.

³ Там же.